А.Н. МУРАВЬЕВ О НОВОМ ИЕРУСАЛИМЕ:
к 205-летию писателя

Н.В. Масленникова

А.Н. Муравьев
(*художник П.З. Захаров-Чеченец, 1838 г.*)

А.С. Пушкин в известном отклике своем на книгу Андрея Николаевича Муравьева «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» замечательно точно охарактеризовал самого автора-паломника: «... молодой наш соотечественник привлечен туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил святые места как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя. ...Он не останавливается, он спешит... вступает в обетованную землю, наконец с высоты вдруг видит Иерусалим...»[1]. Эти черты «смиренного христианина» открываются взору читателя во всех паломнических сочинениях А.Н. Муравьева, проникнутых кротким благочестием и вместе с тем мудрой пытливостью души, сохранившей свежесть глубокой веры. Принадлежав к аристократическому кругу русского общества, А.Н. Муравьев «не стыдился верить», напротив, он стремился словом своим возвратить обитателей светских гостиных к чистому источнику народа русского – Церкви Христовой.

Обращаясь к «любезному другу» в «Письмах о богослужении» и разъясняя ему свое намерение объяснить «те места красноречивого и трогательного служения нашей православной Церкви», с которыми друг его мало знаком, А.Н. Муравьев между прочим замечал: «Быть может, если бы ты подозревал во мне более *духовного звания, ты избежал бы меня, как скучного учителя*; но ты не станешь уклоняться друга, во всем тебе равного, которого уста говорят только от избытка сердца... Может быть, при чтении сих писем, *прояснится в твоей душе хотя одна темная мысль*, и ты посвятишь молитве еще одно лишнее мгновение...»[2] (курсив наш. – *Н.М.*).

Что ж, таковым было время, когда Церковь оказалась как бы вне культуры, а образованному русскому, особенно столичному аристократу, стало «стыдно верить» (Н.С. Лесков), когда общество охватили идеи «внутреннего христианства», чуждый православию мистицизм, эстетическая культура сердца, которая, по словам В.О. Ключевского, заменяла собой «нравственные правила тонкими чувствами», когда вновь бурно ожило масонство... «Это была вряд ли не самая высшая точка русского западничества. Екатерининская эпоха кажется совсем примитивной по сравнению с этим торжествующим ликом Александровского времени, когда и самая душа точно отходит в принадлежность Европе»[3]. Увы, но многие грустные черты той эпохи сохранились и в начале Николаевского царствования, когда «умная старина» еще оставалась для многих «темной»... Но она звала, ею дышала *почва*; богоносная *русская стихия* мощно исторглась в творческом гении А.С. Пушкина...

---

[1] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 1964. С. 263.

[2] *Муравьев А.Н.* Письма о богослужении: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 4–5.

[3] *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 128.

А.Н. Муравьев же, безусловно, принадлежал к diis minorum gentium русской литературы, однако значение этого «младшего бога» в отчаянной борьбе за *Святую Русь* совсем просто и несколькими словами определил сам А.С. Пушкин, когда признался: «С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г. Муравьева»[4], – это сказано о «Путешествии ко Святым местам». Книга сия самим автором была поднесена Государю императору Николаю Павловичу.

Ученик С.Е. Раича, тонкого переводчика Вергилия и Тассо, с младых ногтей вкусивший высокую поэзию, блестяще образованный, воспитанный в чувствах своих, А.Н. Муравьев заявил о себе уже в ранней драме своей «Битва при Тивериаде» (1827), где отобразил и блестящий век рыцарства, и те священные края, которые впоследствии посетил дважды... С отроческих лет Восток занимал его воображение как колыбель христианства, заветная цель рыцарей крестовых походов. В 1829 г., отправляясь в Святую Землю, он написал другу своему Семену Сулиме романс «Паломник»: «Я принял крест, я посох взял; / Меня влечет обет священный; / Вы все, для коих я дышал / В отчизне дальней незабвенной, / Ах! помолитесь за того, / Кто вспомнит вас в своих мольбах. / Куда весь Запад слал сынов / За гроб Господень лечь костями, / Стезею славной их гробов, / Пойду с молитвой и слезами. / Ах! Помолитесь... / Где в перси Божиих дворян, / Сквозь медные кольчуги кольца / Вперялись стрелы Агарян, / Меня ждет пальма богомольца...»[5].

Многочисленные сочинения А.Н. Муравьева, написанные «жаром и красками», в 30–40-х гг. необыкновенно быстро расходились, что, конечно, с одной стороны, говорит о духовных запросах общества, с другой же, несомненно, свидетельствует об оценке качества его книг, которые, в сущности, составили целую духовную отрасль нашей светской словесности. Обращаясь к Андрею Николаевичу Муравьеву в 1869 г., Ф.И. Тютчев верно указывал смысл его «добрых дел»: «Но для любви, но для примера, / Да убеждаются тобой, / Что может действенная вера / И мысли неизменный строй»[6].

Сухое и схоластическое преподавание Закона Божия в семинариях и гимназиях сеяло в душах теплохладное отношение к вере, попросту убивало ее, но сокровенная любовь к Творцу, глубоко укорененная в каждой душе русской, искала свой путь и, как правило, обретала безошибочное направление после соприкосновения с живым словом писателя-поклонника, исполненным горячего откровения. Читатели, «встречая в книгах А.Н. Муравьева красноречивые описания местностей отечественной святыни, знакомясь в них с житием знаменитых сподвижников веры, с значением и смыслом православного богослужения, с отличиями в догматах разных христианских вероисповеданий и т.п., с жадностию принимались за эти книги, доставлявшие пищу их любознательности и религиозным чувствам... Таким образом авторская деятельность А.Н. Муравьева принесла в свое время несомненную пользу, доставила ему большую известность и дала право на место в истории русской литературы»[7]. С этим мнением трудно не согласиться. Более того...

Андрей Николаевич Муравьев, несомненно, *поэт*. Слог его *чистосердечен* и красив, повествование льется, словно благодатная родниковая струя, напояющая жажду духовную. Какими чудными переливами грусти, каким *светлым* покоем, необыкновенным волнением духа исполнены страницы его книг... и сколь многие богатства щедро рассыпаны в них. Его «поющее сердце» славословит Господа, созерцает «великое в малом», проникает в мировые глубины, любит Бога и делится этой любовью с читателем, учит любить Истину...

Андрей Николаевич Муравьев, несомненно, *счастливый* писатель, ибо наделен «блаженством любящего и поющего сердца», которое «уже прижизненно врастает в духовную субстанцию мира и участвует в Царстве Божием»[8].

Совсем особое место в этом сердце занимал Иерусалим. В предисловии к своей «Истории Иерусалима» (1844) А.Н. Муравьев написал о тех мыслях, тех чувствах, которые переживала душа его, когда он впервые в 1830 г. прощался со Святым градом. Удивительной свежестью впечатления ды-

[4] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. С. 262.

[5] *Сулима С.* Андрей Николаевич Муравьев // Русский Архив. 1876. № 7. С. 354.

[6] *Тютчев Ф.И.* «О, вещая душа моя!..». М., 1995. С. 222.

[7] *Путята Н.* Заметка об А.Н. Муравьеве // Русский Архив. 1876. № 7. С. 358.

[8] *Ильин И.А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М., 1994. С. 380.

шат эти строки, как будто все было только вчера, а между тем уж минуло тому 14 лет. Дивная зарисовка писателя чудесно оживает на страницах книги, она несет дыхание той эпохи, но вместе с тем говорит нам о Вечности, о Тихом Свете с Востока, о жизни бесконечной, о любви и смирении...

Иерусалим, вид с Масличной горы
(*из альбома Л. Майера. Лондон, 1804*)

«В последний раз хотел я проститься с Иерусалимом и обнял его взорами с Масличной вершины. Еще до зари, оставив за собою спящие твердыни, одиноко поднялся я на Элеон. Там, на скале плача, где плакал Господь о Сионе, погрузился в созерцание весеннего утра, в земле некогда обетованной. – Все было тихо окрест Иосафатовой долины, робкие козы паслись, промежду ветхих олив, и их дикий пастырь, медленно спускаясь за ними в плачевную юдоль, изумленный оперся на длинное копье свое, при виде странника: мы встретились взорами, и он удалился.

Солнце, встающее из-за Элеона, мало по малу, осветило предо мною очаровательное и вместе страшное зрелище Св. града. Обнесенный зубчатою стеною, он весь лежал пред очами, на скате горы, издали, как бы вновь созданный и без следа развалин. Обширная зеленая площадь Соломонова храма, живописно отделялась от стесненных позади ее зданий, из груды коих возвышались два купола Святого Гроба, крепость Давида и несколько минаретов и башень. С левой стороны, вне ограды, дом Тайной вечери венчал Сион: еще южнее, чрез овраг Геенны, гора Соблазна восставала над деревнею Силоама, и монастырь Пророка Илии мелькал вдали, промеж маслин, на высотах ведущих к Вифлеему. С правой стороны города, позади разсеянных садов и утесов, село Пророка Самуила ограничивало горизонт, на высоком хребте Силома, где так долго хранился кивот завета. У ног моих извивалось изсохшее русло Кедрона, по зеленой долине Иосафатовой, усеянной гробами евреев. Могила Авессалома и вертеп Гефсиманский стояли гранями, на двух краях сей вещей долины.

Такая дивная картина развивалась восхищенным взорам, и пламенно бы я желал всегда иметь ее, хотя мысленно, перед собою. Я бы желал выразить то необыкновенное волнение, которое овладело духом, когда, в одном великом зрелище, предстали мне оба завета: все пророчества Ветхого и их событие в Новом, все клятвы и благословения, попеременно висевшие над роковым градом, доколе не сбылись наконец судьбы его, доколе благодать, однажды излившись на мир из сего таинственного кладезя, не положила вечной печати безмолвия на его изсякшее устье, отколе некогда истекало столько видений. ... о кто найдет, в таком хаосе предметов и воспоминаний, в такой буре взволнованных чувств, довольно мыслей и глаголов, и что, кроме слез, может облегчить сердце, на том месте где плакал Бог!»[9].

Паломничество в Святую Землю подвигло А.Н. Муравьева к настоящему хождению и по русским святым местам – об этом он оставил свою известную книгу[10]. Вся она написана каким-то удивительно благолепным стилем, тут и восторг, и тишина чувств, и поэзия, и святость... Она обращена к «любителям старины Русской», исполнена духовной радости и сама эту радость дарит. Она подает светлое наслаждение красотою русского слова, вышедшего «из-под самого сердца».

Между остальными рассказами помещен в книге и очерк о Новом Иерусалиме, который автор, правда, посетил еще до хождения в Святую Землю, но именно там, на Востоке, этот уголок русской земли получил для него «новую занимательность». В Палестине писатель рассказывал «братии Иерусалимской», что и «в России есть подобие их великой святыни», «мысленно поверял» облик двух Иерусалимов и по возвращении решил вновь посетить русский Иеруса-

[9] *Муравьев А.Н.* История Иерусалима: в 2 т. Т. 1. СПб., 1844. С. V–VII.

[10] См.: *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам русским. М., 1832.

Бишебуа Л. Новый Иерусалим (*литография, XIX в.*)

лим, «чтобы утешить сердце священным сходством обоих»[11].

Новый Иерусалим стал еще ближе «моему сердцу с тех пор, как поклонился древнему образцу его» (81), – писал А.Н. Муравьев.

И вот еще одно – второе хождение в Воскресенский монастырь (третье писатель совершил, сопровождая по просьбе В.А. Жуковского Государя наследника цесаревича Александра Николаевича в 1837 г.): «Не доезжая Воскресенска, пошел я пешком к обители, чтобы более себе напомнить уединенное странствие по пустыням Палестинским» (81). Да, в ту пору это еще было возможно (время нещадно изменило тамошние окрестности), ведь, сооружая храм Гроба Господня, Патриарх Никон в основных чертах словно воспроизвел вокруг всю Палестину с ее драгоценными святынями. «...Новый Иерусалим как топографическое подобие Святой земли напоминает оживший чертеж, где все масштабно уменьшено, единым взглядом обозримо, но соотнесено друг с другом и со сторонами света с максимальной точностью»[12]. Вся местность эта являла собой икону Святой Земли. Гора Елеон и Фавор, гора Сион, на которой возвышался Воскресенский собор, Рама, село Скудельничье, Вифлеем, Капернаум, поток Кедрон и Иордан... – «...своенравная воля Никона как будто вдвинула, в пределы нашего отечества, целый участок земли обетованной» (167). Современная реконструкция замысла Никона[13] показывает его действительное стремление как бы перенести духовные сокровища Святой Земли на Русскую землю. И эта поразительная ландшафтно-архитектурная икона Палестины ярче всего раскрывает богословие Патриарха (но не только! чего не сделает русский во славу Божию! Тут и удивляться-то бессмысленно – такова уж душа, так и только так ум наш начертан!). Это один из уникальнейших памятников русской святости. Удивительно зримо в нем соединены возвышенное и земное, радость и скорбь, Воскресение и смерть, и преодоление ее – встреча души человеческой с Богом. Последняя мысль особенно ярко выражена в самой архитектонике собора: «...это чудная гора малых куполов и глав своенравными уступами восходящая до двух главных куполов храма, и вся сия гора на разных высотах усеяна золотыми крестами, напоминая житейское крестное восхождение наше» (83).

Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь (*современный вид*)

Внимательный поклонник, придя в Новый Иерусалим после путешествия на Святую Землю, наблюдает и сходство, и различие образа и первообраза: «...отрадно отдыхают взоры на пышном, игривом зодчестве сего храма. Забывшись можно подумать, что таким был некогда и священный его подлинник, когда по манию царицы Елены возник он, во всем величии Римского зодчества и могущества, из груды камней и земли, покрывавших утесы Голгофы и св. Гроба» (84). Побывав впервые в Палестине, А.Н. Муравьев писал о том невольном разочарова-

[11] *Муравьев А.Н.* Путешествие по святым местам русским: в 2 ч. Ч. 1. М., 1990. С. VI. В дальнейшем цитируется настоящее издание, страницы указываются в тексте в круглых скобках.

[12] *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002. С. 19.

[13] Там же.

нии, которое посещало паломника, «чрез дальние моря» достигнувшего Иерусалима и пришедшего помолиться к Святому гробу, ибо взорам его представала «нелепая громада зданий, пристроенных ко храму и обезобразивших наружность его до такой степени, что только со стороны входа можно отличить оный от прочей груды строений»[14]. От нашествия иноплеменных, от векового ига пострадал храм сей; греки, латиняне, армяне поделили его и «еще более сделали чуждыми друг другу разнородные части святого здания»[15]. Не то в России. Воскресенский собор – *православный*, единым духом объятый, в нем можно «в одно время совершать обедню на нескольких престолах, и одна литургия не воспрепятствует другой...» (95), в нем право славят Бога, ключи от храма принадлежат «верным» и «нет горькой мысли о той ненавистной руке, которая владела ключом»[16].

Поленов В.Д. Иерусалим, храм Гроба Господня, придел св. Елены (1899)

Однако там, в Иерусалиме, за порогом «св. врат, – замечал А.Н. Муравьев, – начинается новый мир, совершенно чуждый враждебному хаосу властей тьмы, губящих все благодатное, могущее проистекать из сей спасительной святыни. Целый мир духовный укрыт для Христианина внутри могучих стен, сохранивших от буйства времен и языков самые страшные таинства нашего искупления»[17]. Но это есть и в России... Посетив вторично Новый Иерусалим, паломник со всею отрадой предавался «воспоминаниям Палестины»: «Врата отворились, мы вступили в храм, – радостно затрепетало сердце; что-то родное повеяло мне из под величественных сводов, из длинных галерей; так некогда вступал я и в святилище Палестины, и оно также показалось мне родственным, ибо я был уже прежде в Воскресенске... “Что скажете?” спросил Архимандрит. – Я в Палестине!» (88).

Уходящий Третий Рим в Новом Иерусалиме оставил свой завет потомкам, это как будто последнее, наперекор времени сказанное настойчивое слово: «Христос есть русская сила и русское богатство, вечная сила и вечное богатство». «Православие, хранитель пресветлого лика Христова и всех богочеловеческих сил, и есть “новое слово”, которое Россия... должна сказать миру»[18]. Новый Иерусалим – это еще одно мистическое звено, таинственно связывающее Византию и Русь, Россию и Палестину... Крепостью веры своей выковал его Патриарх Никон, вышедший из самых глубин народных, не взирая ни на что, *смиренной мощью* духа русского выковал, – словно раз и навсегда сказав: здесь, на Руси, Христос, здесь – третий Иерусалим, а четвертому *не быти*...

Поруганию обитателями тьмы подвергся монастырь в 1919 г., в 30-е гг. были осквернены гробница и прах святейшего, а 10 декабря 1941 г. страшный взрыв потряс окрестности – обитель была разрушена... Эти события более чем зримо указывают нам тайну *горчичного зерна*, что посеял святитель. Сегодня же звон колоколов вновь освящает окрестности русской Палестины, вновь здесь возносится молитва Спасителю, вновь таинство

[14] *Муравьев А.Н.* Путешествие ко Святым местам в 1830 году: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 1840. С. 58.
[15] Там же. С. 60.
[16] Там же. С. 58.
[17] Там же. С. 59.
[18] *Јустин (Поповић), архим.* Достојевски о Европи и словенству. Београд, 1981. С. 307, 323.

Патриарх Никон с учениками
(парсуна, ИАиХМ «Новый Иерусалим»)

Причастия изливает свою незримую благодать миру из Нового Иерусалима.

В сущности, весь очерк А.Н. Муравьева о сей замечательной обители есть начертание образа святейшего Никона, жизни души его, ее борений и стремлений; судьба земная и небесная Патриарха будто переплелись здесь, в русской Палестине. В Воскресенском соборе, под Голгофой, гробница его. На хорах прежде обреталась знаменитая парсуна, изображавшая святителя в окружении учеников. Эта замечательная «картина Никона Патриарха» великолепно передает его внутренний облик, и не менее великолепно с помощью энергичных и мощных эпитетов нарисовал ее А.Н. Муравьев: «Во весь рост написан Святитель на амвоне и в полном облачении... Всею грудью и мышцами подымается он над главами его окружающих, и необыкновенный рост его возвышен еще важною осанкою; темнорусые, почти черные волосы, падают из-под богатой митры на широкие плечи, и густая темная борода осеняет грудь; строгое, отчасти суровое выражение, в правильных, больших чертах лица его, исполненного мужественной красоты; на устах нет приветливой улыбки, но сильная душа Никона напечатлелась в огненных черных глазах, и чрез слишком полтора столетия по его смерти, они будто еще говорят и проницают душу; – внешний Никон вполне отражал в себе внутреннего» (97–98).

Побывав впервые на Востоке, А.Н. Муравьев отмечал: в народе тамошнем сильно распространено мнение, что русские некогда завоюют Иерусалим[19]. А совершая в 1837 г. в свите Государя наследника поездку в Воскресенскую обитель, он записал, как непременно хотелось В.А. Жуковскому, чтобы «Его Высочество слышал одно предание, под названием Цареградская обедня» (164). Это чудесная мечта-упование плененного греческого духа – ожидание освобождения в день окончания таинственной службы, вершащейся в алтаре святой Софии, который заключил в себе перед толпой агарян молящегося о спасении от нашествия иноплеменных священника (да воскреснет Бог, и расточатся врази Его и да бежат от лица Его ненавидящии Его, яко исчезает дым да исчезнут) – надежда эта обращена к России. «Предания простонародные о пришествии северных людей для избавления Царьграда и Святого града, так вкоренены на Востоке, – писал А.Н. Муравьев, – что ими объясняют там всегдашнее заключение златых ворот Константиновых и вербных Спасителя, которые даже закладены камнем» (164). Но были они «вкоренены» и на Руси, и вовсе не случайным было желание В.А. Жуковского, трепетная душа которого так же жаждала этого чуда, как жаждала его всякая душа русская... а потому и стремился наставник душу воспитанника своего напитать этой чудесной жаждой. Совсем немного оставалось для ее утоления в 1878 г., но, увы, и тогда русские войска, не нашей волей, были остановлены всего в 12 верстах от Цареграда, и после той войны «заветная граница» царства Русского не обняла Константинов град, как не обняла и Иерусалим, за который, в сущности, и велись все войны двух последних столетий, за который и сегодня идет великая духовная битва. Судьбы же ее вершатся на небесах.

Но стоит в России Новый Иерусалим Патриарха Никона, но сияет золотым куполом над ротон-

[19] *Муравьев А.Н.* Путешествие ко Святым местам в 1830 году. Ч. 1. С. 237.

дой гроба Господня высокий шатер... До полного великолепия еще очень далеко... Однако важнее, быть может, другое – Дух дышит, где хочет, и таинственная связь сердца человеческого с Богом, Который как будто ближе здесь, в Новом Иерусалиме, как-то ощутимо проступает, словно как-то овеществляется. И чудесно и вместе так понятно в душе русской, тоскующей о чуде, это чудо совершается: она видит «священное сходство» обоих Иерусалимов, она это чувствует.

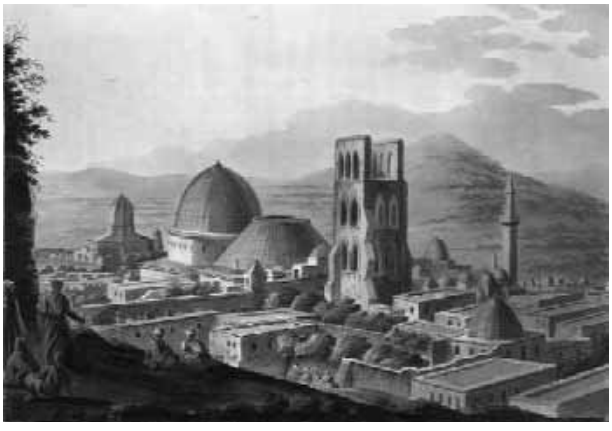

Монастырь Нового Иерусалима, Воскресенский собор, ротонда (*современный вид*)

И как гениально воплотилось чувство сие в зорком взгляде *зодчего*. И как проницательно свидетельствовал об этом А.Н. Муравьев: «...я ...был поражен новым изумлением при виде легкого, глубокого купола, с его семьюдесятью пятью окнами, расположенными в три яруса, кругом трех раззолоченных хоров. Сии три резные венца остроконечного купола давали ему подобие огромной тиары, осеняющей священный памятник, который стоит в ограде шестнадцати пилястров, поддерживающих арки верхней галлереи. Самый гроб Господень, как церковь в церкви, с златыми столбами и главою, довершал своею стройною красою полноту чудного зрелища не для одних только взоров, но и для сердца, ибо я опять, казалось, стоял в Иерусалиме» (90–91).

Дерзновенный замысел Никона современники его восприняли как вызов, но благочестивые потомки склонились перед памятью святителя. Красотою кроткою дышит трогательный обычай устраивать в Воскресенском соборе приделы в честь небесных покровителей Дома Романовых, но и простые люди освящали здесь памятные престолы – так зримо и незримо соединились в сем храме Гроба Господня Священная история Ветхого и Нового Завета и *священная* история Руси. Созерцая Новый Иерусалим, М.Ю.Лермонтов указал верную грань русского миросознания: «При нем теснится чувствованье / К нам в грудь того, чему нет слов, / Что выше теплого участья, / Святей любви, спокойней счастья»[20].

Литературное же приношение А.Н. Муравьева изумительно раскрывает проникновенное русское «чувствованье» сей великой святыни. Сердце автора поет и ликует при созерцании Красоты, которая одна только и есть свидетельство Вечной Истины.

Иерусалим, храм Гроба Господня (*из альбома Л. Майера. Лондон, 1804 г.*)

© Масленникова Н.В., 2011

[20] *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1964. С. 238.